

Иван Вырыпаев

Танец «Дели»

СЕМЬ ОДНОАКТНЫХ ПЬЕС

Пьеса № 1

Каждое движение

Действующие лица:

Екатерина
Пожилая женщина
Андрюша
Медсестра

ЗНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

Приватная комната для посетителей в городской больнице. В комнате журнальный столик, на котором несколько журналов. Рядом со столиком диван, а чуть дальше кресло. На стене висят несколько рекламных плакатов, рекламирующих медицинские препараты.

Екатерина сидит в кресле. Она смотрит на часы. Несколько раз подряд смотрит на часы.

Входит пожилая женщина.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Катя... К сожалению, все очень плохо... Твоя мама умерла.

ЕКАТЕРИНА. Уф! Это так странно ощущать. Не знаешь даже, как реагировать.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я сама хотела бы помочь тебе, но чем? Я с тобой, ты понимаешь, ты знаешь это. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Да, странно. Вроде бы такое страшное известие, а нет ощущения ужаса. Я вообще ничего не чувствую. Я вот слышу, что ты сказала, я понимаю, да. Я получила известие – у меня умерла мама. Но что же делать? Я даже не знаю, как реагировать. Я, наверное, должна плакать? Но мне не хочется. Странное такое ощущение. Я ничего не чувствую.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. И я тоже очень странно себя ощущаю. У тебя такое горе. Но чем я могу помочь тебе? Я с тобой. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Я не знаю, что делать. Такое странное чувство. Вернее, это даже не чувство, это, наоборот, какое-то античувство. Я вообще ничего не чувствую. Наверное, у меня шок, да? Как ты думаешь, у меня шок, да? Такое вот странное, неадекватное поведение, это, наверное, и есть состояние шока. У меня умерла мама, а я ничего не чувствую. Это странная реакция, да?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я не знаю. Все, чего бы мне хотелось, – это помочь тебе. Но как? Что я могу сделать? Я с тобой. С тобой. Может быть, тебе нужно выпить? Давай я схожу в магазин, куплю что-нибудь выпить?

ЕКАТЕРИНА. Зачем? Тем более если нужно идти в магазин. Нет, в этом нет никакой необходимости.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Тебе станет легче, когда ты выпьешь. Поверь. Давай. Я схожу куплю виски.

ЕКАТЕРИНА. Да нет, ничего не нужно, спасибо. Мне не плохо. Странно, да? Мне совсем не плохо. А ведь должно же быть совсем наоборот, да? Мне ведь должно быть очень плохо, правда? Тот, кому сообщают, что у него умерла мама, тому ведь должно стать плохо, так ведь? А мне ничего. Мне не плохо. Я вообще ничего не чувствую. Ты помнишь нашу встречу с Андреем год назад? В Киеве? Помнишь?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Конечно. Очень хорошо помню. И этот прекрасный ресторан, и как ты танцевала для всех нас. Андрей такой милый, такой настоящий. Он очень надежный, разве нет?

ЕКАТЕРИНА. Да. Правда. Он очень надежный и он святой. Ну не святой, конечно, но близок к тому, чтобы стать святым. Во всяком случае, он никогда не врет. В это трудно поверить, но это правда. Я знаю, что вот он такой человек, который никогда не врет.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Да, он удивительный. И то, как он смотрел на твой танец. Как он чувствовал каждое твое движение. Знаешь, когда я смотрю, как ты танцуешь, я всегда стараюсь слиться с каждым твоим движением, я как бы стараюсь стать с тобой одним целым, что ли. И это так захватывает, так увлекает. И только так и нужно смотреть на танец. По-моему, все должны только так и смотреть на танец. Ну конечно, так мало кто смотрит, почти никто. А вот он смотрел именно так. Тонкий, чувствительный человек.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрюша.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Конечно, я помню.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Так вот, он вчера позвонил мне, спустя полгода, как мы не виделись.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Вы полгода не виделись? Почему?

ЕКАТЕРИНА. Ну, это не суть важно. А важно то, что он вдруг решил позвонить. И мы так хорошо поговорили. Правда, по телефону. Но даже по телефону я давно уже ни с кем так не разговаривала. И для меня... для меня это был очень важный разговор. Важный и серьезный разговор, который состоялся вовремя.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Как говорится, что может быть лучше? «Важный разговор, который состоялся вовремя», что может быть лучше.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Кстати, он с минуты на минуту должен прийти.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Что-что? Кто? Андрюша? Сюда? Сейчас?

ЕКАТЕРИНА. Да. С минуты на минуту. Который час?

Пожилая женщина смотрит на часы.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Без двенадцати минут пять.

ЕКАТЕРИНА. Ну вот, уже через двенадцать минут.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрюша придет сюда?

ЕКАТЕРИНА. Да. Мы договорились здесь. Я думала, что пробуду здесь до пяти, и потом он за мной заедет и мы где-нибудь поужинаем.

Входит медсестра. В правой руке она держит тоненькую папку с бумагами.

МЕДСЕСТРА. Простите. Мне очень жаль, что это произошло. И я хотела бы...

ЕКАТЕРИНА. Извините, вы не могли бы зайти чуть позже? Через полчаса, хорошо?

МЕДСЕСТРА. Да-да, конечно. Просто нужно, чтобы вы кое-где расписались, это такая формальность...

ЕКАТЕРИНА. Через полчаса, если можно?

МЕДСЕСТРА. Но еще я хотела сказать вам...

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Мы вас просим, можно нам еще поговорить здесь вдвоем примерно полчаса? Хорошо?

МЕДСЕСТРА. Хорошо. Я зайду позже. Может быть, вам нужно воды?

ЕКАТЕРИНА. Нет, нет. Ничего не нужно.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Нам нужно поговорить.

МЕДСЕСТРА. Извините.

Медсестра уходит.

ЕКАТЕРИНА. Так что вы скоро снова увидите.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Боже мой, как неожиданно.

ЕКАТЕРИНА. Сколько вы не виделись?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ровно год. Мы вообще виделись лишь однажды, тогда в Киеве, когда ты танцевала.

ЕКАТЕРИНА. Ну вот, а теперь через несколько минут он придет.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Извини, что я вмешиваюсь в твою личную жизнь, но я не могу не спросить тебя?..

ЕКАТЕРИНА. Да?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Он что? Кажется, он влюблен в тебя, да? Это ведь не просто ухаживания, это что-то серьезное с его стороны?

ЕКАТЕРИНА. О боже мой! О нет! Ты что?! Нет! Конечно, нет. Он же женат. Да и вообще, это совсем не то, что ты...

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрюша женат? Ты серьезно? Он женат?

ЕКАТЕРИНА. И у него дети. Кажется, двое. И у него хорошая семья. Мы с ним вообще не в этих отношениях. О господи! Ты все время думала, что у нас с ним роман?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ну конечно. Я была просто уверена. А что, разве это не так? Скажи мне честно, ты просто прячешься, просто скрываешься? Понимаю, он ведь женат.

ЕКАТЕРИНА. О господи! Нет. Неужели ты такая дура? Нет! О нет, ты не такая дура?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я уверена, правда.

ЕКАТЕРИНА. Нет!

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ты просто скрываешь. Я уверена. Ты и сейчас так себя ведешь, потому что ты скрываешь...

ЕКАТЕРИНА. Ты дура, господи, ну какая дура! Ха-ха!

Екатерина смеется.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ну-ну. Я не верю этому смеху. Ты специально!

ЕКАТЕРИНА. Ой, нет. Не нужно меня смешить.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Это не настоящий смех, это притворство. Я вижу тебя насквозь.

Екатерина смеется все сильнее, у нее приступ смеха.

ЕКАТЕРИНА. Я не могу этого слышать, прошу тебя, перестань молоть глупости, я сейчас умру от смеха.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Этот смех на меня не действует. Тем более теперь я окончательно вижу, что у вас роман. Этот смех – доказательство этому. Признавайся!

Екатерина умирает от смеха.

ЕКАТЕРИНА. Я прошу тебя!

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ага! В этом смехе есть что-то трагически нездоровое! Ага!

Попалась! Твоя тайна раскрыта!

ЕКАТЕРИНА. Я прошу тебя!

Екатерина смеется и не может остановиться. Входит Андрей. Он останавливается в дверях, с удивлением смотрит на смеющуюся Екатерину.

ЕКАТЕРИНА. Не удивляйся моему смеху, если ты узнаешь причину, то тоже будешь хохотать.

АНДРЕЙ. Я могу принести воды. Хотите?

ЕКАТЕРИНА. Не нужно никакой воды, перестань. У меня не истерика, а мне на самом деле смешно. Фу!

Екатерина немного приходит в себя, успокаивается. Андрей проходит в комнату, садится на диван рядом с Екатериной.

ЕКАТЕРИНА. Фу-у! Это не потому, что у меня умерла мама и у меня истерика, как ты, наверное, подумал. Это не то. А это потому, что вот видишь эту особу. Вы знакомы, ты помнишь?

АНДРЕЙ. Ну конечно. Вы были в Киеве.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Мы только что вспоминали об этом.

ЕКАТЕРИНА. И она решила, что у нас роман. Она думает, мы с тобой любовники.

АНДРЕЙ. Н-да. Смешно.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. На самом деле это не мое дело.

АНДРЕЙ. На самом деле это не так.

ЕКАТЕРИНА. Это просто невозможно.

АНДРЕЙ. Ну, теоретически это, конечно, возможно...

ЕКАТЕРИНА. У тебя же дети. И потом, ты любишь свою жену.

АНДРЕЙ. Ну да. Вроде бы все так. Хотя... Хотя что есть любовь? Это, как говорится, большой вопрос.

Долгая пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А что, по-вашему, есть любовь? Вы знаете об этом???

Пауза.

АНДРЕЙ. Я знаю, что случилось. Алина Павловна скончалась. Мне сказали там, внизу. Прими мое соболезнование. Я даже не знаю, что сказать.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Да, я тоже хотела бы помочь, но как? Но чем?

ЕКАТЕРИНА. Странно. Вот уже полчаса прошло, а я по-прежнему не чувствую ничего такого трагического. Я вообще чувствую что-то совершенно другое. Это очень странно.

Когда я смеялась, мне было так смешно. Так по-настоящему смешно. И вот даже во время смеха я подумала: вот сейчас я, наверное, выгляжу как женщина, у которой истерика из-за смерти матери. А это не так. Я смеялась, правда, я смеялась просто от шутки. Оттого, что вот она подумала, что у нас роман. Какая глупость. И смешно. Правда смешно. И странно. Я ведь очень люблю маму. Любила. У нас были такие отношения, такие откровенные, до самого вчерашнего дня, когда у нее случился приступ. Но я ничего не чувствую. Я смеялась правда из-за шутки. Правда. Из-за шутки. Правда, правда. Это так смешно! Подумать, что у нас с Андреем роман. Какой роман? Господи! Смешно.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Тогда в Киеве, я смотрела на него и думала: «Господи, это же он». Да, Андрей. Я тогда именно так и думала: «Это он». И когда я стала танцевать, я стала это чувствовать. Чувствовать, что это ты. Я начала свой танец просто, как обычно. Сначала для всех. А потом я вдруг почувствовала... Это если вы мне поверите, если вы сейчас поймете, что я не преувеличиваю, – это вдруг мое сердце мне сказала: «Это он!» Как в литературе это бывает часто описано «сердце ей шепнуло», и это именно вот так. Это произошло именно так. Как описано в литературе. Сердце мне шепнуло во время танца. Танец, вы знаете, – это все для меня. Мой танец – это ведь моя истина, мой смысл. И вот во время танца я услышала свое сердце. И сердце мне сказала: «Это он».

Екатерина берет руку Андрея в свою руку. Смотрит ему в глаза.

ЕКАТЕРИНА. Это ты. Я тебя люблю, Андрей. Я собиралась тебе сказать это сегодня и вот сказала.

Андрей молча смотрит на Екатерину. Пожилая женщина отвернулась от них и плачет. Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Извините меня, пожалуйста. Я понимаю, у вас сильное горе. Но нам нужно вам помогать. И чтобы мы могли вам помогать, вам нужно подписать вот эти бумаги. О том, что вы не будете делать вскрытие, и еще несколько документов. И только после этого мы отдаем тело в морг. Это нужно сделать.

Медсестра подает бумаги Екатерине. Екатерина читает. Подписывает одну бумагу. Потом вторую. Потом она смотрит на Андрея. Андрей смотрит на нее. Екатерина снова подписывает бумагу. Пожилая женщина сидит в углу и плачет. Екатерина подписывает бумаги.

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

АКТЕРЫ ВЫХОДЯТ НА АВАНСЦЕНУ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, КЛАНЯЮТСЯ ПУБЛИКЕ

Пьеса № 2

Внутри танца

Действующие лица:

Екатерина

Пожилая женщина

Андрюша

Медсестра

ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

Приватная комната для посетителей в городской больнице. В комнате диван и два кресла. На стене большое зеркало. В комнате Екатерина и Андрей.

ЕКАТЕРИНА. Но ты так ничего и не ответил. Прости, но тебе, наверное, нужно хоть что-нибудь сказать мне.

АНДРЕЙ. Да-да, конечно. Но просто я думаю, что момент сейчас, наверное, не очень-то подходящий.

ЕКАТЕРИНА. Но пойми, Андрей, мне ведь непросто далось это объяснение. Я ведь женщина, и я первая призналась тебе в любви.

АНДРЕЙ. Ну ты хочешь, чтобы мы поговорили прямо здесь и сейчас, или пойдём куда-нибудь выпьем, поужинаем?

ЕКАТЕРИНА. Здесь и сейчас.

АНДРЕЙ. Ну хорошо. Как ты хочешь, так пусть и будет.

Долгая пауза.

ЕКАТЕРИНА. Поняла. Ты меня не любишь.

АНДРЕЙ. Прости.

Пауза.

АНДРЕЙ. Я восхищаюсь твоим танцем. Он зачаровывает меня. Когда я смотрю, как ты танцуешь, я чувствую некоторое единение с тобой, с Богом, с природой. Но это не та любовь, которую я испытываю к своей жене. Я люблю свою жену. Я хочу прожить с ней до конца жизни, мне очень жаль.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Мне так больно.

АНДРЕЙ. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Ничего тут не поделаешь.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Так глупо все получилось. Я ведь была уверена, что это взаимно. Я в тебе нисколько не сомневалась, и вот получилось, что я ошиблась. И от этой ошибки мне теперь так нестерпимо больно.

Пауза

ЕКАТЕРИНА. Мне так сильно больно.

АНДРЕЙ. Что же я могу для тебя сделать?

ЕКАТЕРИНА. Ничего. Но мы какое-то время не должны встречаться, договорились?

АНДРЕЙ. Конечно. Как ты скажешь. Правда, мне будет не хватать тебя и твоего танца.

ЕКАТЕРИНА. Ничего не поделаешь, но и приходиться на мои выступления, по крайней мере какое-то время, тебе тоже не нужно.

АНДРЕЙ. Мне очень жаль, что я причиняю тебе боль, Катя. Поверь, это все пройдет.

Это ведь все равно только лишь чувство. Это простое чувство, а все чувства проходят.

Нужно только время. Потерпи, и время сотрет эту любовь из твоего сердца.

ЕКАТЕРИНА. Наверное, ты просто нечего не знаешь про сердце. Разве ты не знаешь, что любовь и сердце – это одно и то же. У кого нет любви, у того нет и сердца. Это ведь одно и то же, это ведь одно целое, разве ты не знаешь об этом? Очень жаль, если ты не знаешь об этом, мне очень жаль.

АНДРЕЙ. У меня есть любовь, Катя. И моя любовь находится в моем сердце. Но только это любовь к другой женщине. Я люблю другую женщину, Катя. Извини, но мне пришлось это сказать. Ты сама меня вынудила сказать об этом. Прости. Мне очень жаль, тебя. Извини.

Андрей встает и выходит. Екатерина сидит в кресле, ее затылок и спина отражаются в большом зеркале на стене. Пауза. Екатерина рассматривает себя в зеркале. Входит пожилая женщина.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Катя... К сожалению, все очень плохо... Твоя мама умерла.

ЕКАТЕРИНА. Уф! Это так странно ощущать. Не знаешь даже, как реагировать.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я сама хотела бы помочь тебе, но чем? Я с тобой, ты понимаешь, ты знаешь это. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Да, странно. Вроде бы такое страшное известие, а нет ощущения ужаса.

Я вообще ничего не чувствую. Я вот слышу, что ты сказала, я понимаю, да. Я получила известие – у меня умерла мама. Но что же делать? Я даже не знаю, как реагировать.

Я, наверное, должна плакать? Но мне не хочется. Странное такое ощущение. Я ничего не чувствую.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. И я тоже очень странно себя ощущаю. У тебя такое горе. Но чем я могу помочь тебе? Я с тобой. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Я не знаю, что делать. Такое странное чувство. Вернее, это даже не чувство, это, наоборот, какое-то античувство. Я вообще ничего не чувствую. Наверное, у меня шок, да? Как ты думаешь, у меня шок, да? Такое вот странное, неадекватное поведение, – это, наверное, и есть состояние шока. У меня умерла мама, а я ничего не чувствую. Это странная реакция, да?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я не знаю. Все, чего бы мне хотелось, – это помочь тебе. Но как? Что я могу сделать? Я с тобой. С тобой. Может быть, тебе нужно выпить? Давай я схожу в магазин, куплю что-нибудь выпить?

ЕКАТЕРИНА. Зачем? Тем более если нужно идти в магазин. Нет, в этом нет никакой необходимости.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Тебе станет легче, когда ты выпьешь. Поверь. Давай. Я схожу куплю виски.

ЕКАТЕРИНА. Да нет, ничего не нужно, спасибо. Мне не плохо. Странно, да? Мне совсем не плохо. А ведь должно же быть совсем наоборот, да? Мне ведь должно быть очень плохо, правда? Тот, кому сообщают, что у него умерла мама, тому ведь должно стать плохо, так ведь? А мне ничего. Мне не плохо. Я вообще ничего не чувствую. Ты помнишь нашу встречу с Андреем год назад? В Киеве? Помнишь?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Конечно. Очень хорошо помню. И этот прекрасный ресторан, и как ты танцевала для всех нас. Андрей такой милый, такой настоящий. Он очень надежный, разве нет?

ЕКАТЕРИНА. Да. Правда. Он очень надежный и он святой. Ну, не святой, конечно, но близок к тому, чтобы стать святым. Во всяком случае, он никогда не врет. В это трудно поверить, но это правда. Я знаю, что вот он такой человек, который никогда не врет.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Да, он удивительный. И то, как он смотрел на твой танец. Для меня, знаешь, очень важно, как человек смотрит на танец. Я много лет слежу за тем, как люди смотрят на танец. Я ведь часто хожу смотреть, как исполняют танец. И я, знаешь, не могу удержаться, чтобы не понаблюдать за публикой, кто как смотрит. И у меня есть свое мнение на этот счет. Я убеждена, что танец нужно не смотреть, а слушать. Правда, слушать не ушами, а слушать всем своим существом. Нужно... как бы это сказать... нужно стать с танцовщиком одним существом, нужно дать его танцу проникнуть в тебя, нужно ему отдаться, нужно, чтобы танец завладел тобой. И тогда ты и танцовщик, вы вдруг становитесь одним целым, да и все, кто смотрит на танец, мы все становимся одним целым, мы становимся одним танцем. И тогда уже нет больше ни того, кто танцует, ни того, кто смотрит, а есть только танец и ничего больше. Но так смотрят не все.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Он именно так и смотрел.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Да, он смотрел правильно. Правда, он иногда отвлекался, но это, наверное, происходило от сильного потрясения.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрюша.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Конечно, я помню.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Удивительно, что вы с ним сейчас не встретились.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Мы не встретились? Но где же мы с ним можем встретиться, Катюша?

ЕКАТЕРИНА. Он был здесь буквально пять минут назад.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Что-что?! Что ты такое говоришь? Андрюша? Где? Здесь?

ЕКАТЕРИНА. Да. Он приезжал сюда. Я попросила его приехать. Мне нужно было сказать ему что-то очень важно, а уйти отсюда я не могла, потому что маме стало хуже.

Входит медсестра. В правой руке она держит тоненькую папку с бумагами.

МЕДСЕСТРА. Простите. Мне очень жаль, что это произошло. И я хотела бы...

ЕКАТЕРИНА. Извините, вы не могли бы зайти чуть позже? Через полчаса, хорошо.

МЕДСЕСТРА. Да-да, конечно. Просто нужно, чтобы вы кое-где расписались, это такая формальность...

ЕКАТЕРИНА. Через полчаса, если можно?

МЕДСЕСТРА. Но еще я хотела сказать вам...

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Мы вас просим, можно нам еще поговорить здесь вдвоем примерно полчаса? Хорошо?

МЕДСЕСТРА. Хорошо. Я найду позже. Может быть, вам нужно воды?

ЕКАТЕРИНА. Нет-нет. Ничего не нужно.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Нам нужно поговорить.

МЕДСЕСТРА. Извините.

Медсестра уходит.

ЕКАТЕРИНА. Мой танец всегда рождается из моего сердца.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я знаю, что твоя мама в детстве мечтала стать танцовщицей, поэтому она и любила твой танец. Теперь она танцует вместе с тобой, она теперь танцует в твоём сердце. У вас теперь один танец на двоих.

ЕКАТЕРИНА. Наверное, это так. Но я пока что ничего этого не чувствую, наверное, должно пройти время, чтобы я смогла по-настоящему осознать, что случилось.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Твоя мама, Катя, смогла передать тебе этот удивительный дар – так глубоко ощущать собственное сердце. Это и есть главное. Потому что, Катя, твой танец рождается у тебя из самого твоего сердца. А сердце, наверное, и есть Бог или природа. Не важно, как это называется, а важна суть.

Входит Андрей.

АНДРЕЙ. Я знаю, что случилось. Алина Павловна скончалась. Мне сказали там, внизу, и я решил вернуться. Прими мое соболезнование. Я даже не знаю, что сказать.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Здравствуйте, Андрюша. Мы с вами когда-то были знакомы, вы не помните?

АНДРЕЙ. Ну конечно. Я вас прекрасно помню. Мы виделись в Киеве.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Катя танцевала, и это было так красиво! И я прекрасно помню, как вы смотрели, Андрей.

АНДРЕЙ. Я тебе наврал, Катя. Я все от начала до самого конца тебе наврал. Я просто струсил. Я просто испугался того, что будет. Испугался ответственности. Я привык считать,

что на мне все держится, все вокруг, весь этот земной шар. Мне всегда кажется, будто я все контролирую. Я думаю о том, что будет с моей женой, с детьми, я уверен, что они без меня не проживут, у меня мания величия, Катя, поэтому я трушу. Я трус, Катя. И я обманул тебя, потому что я люблю тебя. Ты уже давно у меня внутри, но я не смею себе сказать об этом. Чувство ответственности мне мешает. Я решил, что буду врать тебе, но когда я узнал, что твоя мама скончалась, я подумал, что ты сейчас испытываешь слишком много горя и ни капли радости. Я хочу подарить тебе нашу радость, которую мы оба заслужили. Я больше не могу жить ради собственного эгоизма и из-за страха врать себе и другим. Я весь погряз в комплексах и во лжи. Я люблю тебя.

Екатерина встает, подходит к Андрею, обнимает его. Они садятся на диван, сидят прижавшись друг к другу. Пожилая женщина отвернулась от них и плачет. Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Извините меня, пожалуйста. Я понимаю, у вас сильное горе. Но нам нужно вам помогать. И чтобы мы могли вам помогать, вам нужно подписать вот эти бумаги. О том, что вы не будете делать вскрытие, и еще несколько документов. И только после этого мы отдаем тело в морг. Это нужно сделать.

Медсестра подает бумаги Екатерине. Екатерина читает. Подписывает одну бумагу. Потом вторую. Потом она смотрит на Андрея. Андрей смотрит на нее. Екатерина снова подписывает бумагу. Пожилая женщина сидит в углу и плачет. Екатерина подписывает бумаги.

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

АКТЕРЫ ВЫХОДЯТ НА АВАНСЦЕНУ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, КЛАНЯЮТСЯ ПУБЛИКЕ

Пьеса № 3

Ощущается тобой

Действующие лица:

Екатерина

Алина Павловна

Пожилая женщина

Медсестра

ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

Приватная комната для посетителей в городской больнице. В комнате четыре плетеных кресла, маленький стеклянный журнальный столик, на котором несколько журналов. На стене висит картина-репродукция, составленная из пазлов, наклеенных на картон.

В комнате Екатерина и Алина Павловна. Алина Павловна смотрит на часы. Несколько раз подряд смотрит на часы.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Мама. У меня состоялся серьезный разговор с Андреем. Я все ему рассказала. Я открыла ему свои чувства. Сказала, что люблю.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Да... Я предчувствовала, что это скоро произойдет. И что же он ответил тебе?

ЕКАТЕРИНА. Он долго молчал. Долго молчал. А потом... Потом он сказал, что любит свою жену, и ушел.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Уф! Какое горе. Тебе, наверное, очень больно?

ЕКАТЕРИНА. Мир провалился в преисподнюю в эту секунду. Я испытала нестерпимую боль.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Бедная моя. Мне так тебя жаль. Что же я могу сделать для тебя, дочка?

ЕКАТЕРИНА. Мне важно рассказать тебе, чтобы ты меня выслушала и поняла.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Да, это, к сожалению, все, что я теперь могу, – выслушать и понять.

ЕКАТЕРИНА. И еще принять, мама. Принять мою жизнь и все события моей жизни такими, какие они есть. Для меня это очень важно, мама.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я всегда пыталась это делать. Всю нашу совместную жизнь.

ЕКАТЕРИНА. Я это очень высоко ценю, мама, поэтому мне и важно рассказать тебе о том, что случилось. Это второй самый важный случай в моей жизни. Первый случай, который тебе пришлось принять, – это мой танец. Хотя ты не сразу его приняла, ты даже заболела из-за этого.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Но я приняла его, и не нужно вспоминать об этом. Что же касается твоего горя, то, поверь мне, я не только принимаю его, я стараюсь, честное слово, я стараюсь всем сердцем пережить это горе вместе с тобой. Я хотела бы, чтобы мне было так же больно, как и тебе. Я хочу испытать то же, что и ты.

ЕКАТЕРИНА. Вот именно поэтому я и решила рассказывать тебе все по порядку. Чтобы ты поняла, что происходило со мной. Вначале сильная боль. Я ощутила такую же сильную боль, как тогда в Дели, когда у меня начал зарождаться мой танец. Эта боль – как кусок раскаленного железа, прижатого к сердцу. И вот это было со мной вначале.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Господи, как мне жаль тебя!

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Но потом Андрей вернулся. И сказал, что он обманул меня, что это была минута слабости. Что он боялся предать свою жену и детей. Но что он понял, что предательство совсем не в этом, а как раз во лжи. А он уже давно обманывает свою жену, потому что любит меня. Он сказал, что любит меня. Он меня любит, мама. Мы счастливы. Я счастлива, мама. Счастлива точно так же, как тогда, когда сложился мой танец «Дели». И все, как и тогда, один в один похоже. Вначале сильная боль, а потом великая радость! Вот, мама. Вот что со мной случилось. Теперь ты знаешь все. Я прошу тебя принять это.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Да, все так, как и тогда.

ЕКАТЕРИНА. Все так, как и тогда!

АЛИНА ПАВЛОВНА. Да.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. И так же, как и тогда, я прошу тебя принять это. Для меня это очень важно, чтобы ты приняла.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Это несчастные отношения. Андрей женат, у него дети. Это несчастная история и несчастная любовь.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. А несчастная любовь не может быть подлинной любовью.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Любовь не может быть несчастьем. Несчастье не может быть любовью.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Я почему-то была уверена в такой реакции. Я была готова к этому.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Я всегда была для тебя не просто дочерью, а прежде всего подругой по несчастью. Ты растила меня, как подругу для своего несчастья. Две вещи, о которых ты мечтала в жизни и которые не сбылись, – танец и любовь, эти две вещи сделали тебя несчастной. Ты мечтала стать великой танцовщицей и не стала. Ты мечтала иметь любовь и не имела. Ты хотела иметь подругу по несчастью и решила сделать ее из своей дочери. Но твоя дочь, к несчастью для тебя, стала великой танцовщицей и встретила настоящую любовь. Вот что ты не можешь принять. И я поняла это окончательно только теперь, хотя подозрения у меня были и раньше. Несколько лет назад я впервые показала тебе мой танец «Дели», и я увидела в твоих глазах не радость, а бешенство. Это была зависть. Я так вначале и подумала, но потом, когда ты вроде бы приняла мой танец, я решила, что я ошибаюсь, что это просто у тебя такая необычная реакция на мой странный танец. Но теперь, теперь я нисколько не сомневаюсь, что это была зависть. Потому что сейчас все повторилось так же, как и тогда. Ты не можешь принять моего счастья, тебе не нужна правда о счастье. Ты не хочешь ее слышать и допускать, но она все равно звучит отовсюду. Так услышь же правду еще раз, мама, – счастье есть! Танцевать свой танец и любить своего возлюбленного – это и есть счастье!

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Да, все так, как и тогда.

ЕКАТЕРИНА. Все так, как и тогда!

Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Я прошу прощения, что прерываю. Алина Павловна, вам нужно идти в палату, через пять минут к вам придет доктор. Он хочет вас посмотреть.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Да-да, я сейчас приду. Мы только договорим две минуты, хорошо?

МЕДСЕСТРА. Я жду вас в вашей палате.

Медсестра уходит.

АЛИНА ПАВЛОВНА. А теперь я скажу тебе истину. И моя истина такая же короткая, как и твоя. Вот она. Меня возмущает не твой танец, а содержание твоего танца. Ты поешь славу трагедии, грязи и горю. Ты горе называешь счастьем и от этого счастлива сама. Ты горе делаешь счастьем и от этого счастлива. Горе не становится счастьем, но ты становишься счастливой, и это меня бесит. Ты выдаешь желаемое за действительное. Ты берешь жизнь нищих, больных, уродливых, искалеченных людей, жителей Дели, которые несчастны, и создаешь из этого красивый танец, которым все восхищаются. Ты становишься знаменитой, воспевая горе других. Ты танцуешь и получаешь славу, а те, о ком ты танцуешь, умирают от нищеты и болезни. Ты делаешься счастливой, показывая несчастья других. Вот что я не принимаю. И точно так же с Андреем. Ты любишь того, кто предал свою семью. Того, кто принес другим несчастье. Вы счастливы, а его жена и дети – теперь нет. Ваше счастье получено ценой несчастья других. Вот твоя основная черта, против которой я восстаю. И я несчастна не потому, что ты счастлива. Я несчастна не оттого, что у меня рак желудка. Хотя и от этого, разумеется, тоже. Но и вся жизнь видится мне сплошным горем. И так оно и есть. Жизнь есть сплошное горе! Да! И я всегда так считала. Я так считала еще до того, как мне поставили этот диагноз.

ЕКАТЕРИНА. Тебе сделали успешную операцию, ты больше не больна раком, мама, и ты это знаешь. Ты снова все накручиваешь.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Перестань строить свои иллюзии относительно моей жизни. Моя жизнь не станет еще несчастней, потому что она и так уже несчастна. Жизнь несчастна сама по себе, а не по какой-нибудь причине. Но что меня больше всего бесит в этой жизни, так это твоя позиция, в которой даже несчастье собственной матери является возможностью для проявления твоего счастья. Не удивлюсь, если после моей смерти ты создашь танец «Несчастье моей матери». Так ты устроена – быть счастливой за счет несчастья других. И этого, прости, я принять не могу. И наш разговор на эту тему прошу считать законченным навсегда.

Алина Павловна встает и идет к двери.

ЕКАТЕРИНА. Счастье есть, мама. Надеюсь, ты все-таки сможешь это осознать.

Алина Павловна останавливается в дверях.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Жизнь есть страдание, дочка. Желаю тебе как можно скорее в этом убедиться.

Алина Павловна выходит. Екатерина сидит в кресле, рядом с ней журнальный столик. На стене репродукция, собранная из пазлов и наклеенная на картон.

Входит пожилая женщина.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Катя... К сожалению, все очень плохо... Жена Андрея Ольга покончила с собой. Отравилась каким-то лекарством. Дети были с Андреем. Они гуляли. Мне звонил сам Андрей, он в таком состоянии, ничего толком не объяснил. Он сказал, что первой позвонил тебе, но у тебя отключен телефон, потому что ты, наверное, у мамы в больнице. Тогда я решила приехать сюда. Держись, Катя.

ЕКАТЕРИНА. Уф! Это так странно ощущать. Не знаешь даже, как реагировать.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я сама хотела бы помочь тебе, но чем? Я с тобой, ты понимаешь, ты знаешь это. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Да, странно. Вроде бы такое страшное известие, а нет ощущения ужаса. Я вообще ничего не чувствую. Я вот слышу, что ты сказала, я понимаю, да. Я получила известие – по моей вине погиб человек. Но что же делать? Я даже не знаю, как реагировать. Я, наверное, должна плакать? Но мне не хочется. Странное такое ощущение. Я ничего не чувствую.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. И я тоже очень странно себя ощущаю. Такое горе. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Я не знаю, что делать. Такое странное чувство. Вернее, это даже не чувство, это, наоборот, какое-то античувство. Я вообще ничего не чувствую. Наверное, у меня шок, да? Как ты думаешь, у меня шок, да? Такое вот странное, неадекватное поведение, – это, наверное, и есть состояние шока? По моей вине погиб человек, а я ничего не чувствую. Это странная реакция, да?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я не знаю. Может быть, тебе нужно выпить? Давай я схожу в магазин, куплю что-нибудь выпить?

ЕКАТЕРИНА. Зачем? Тем более если нужно идти в магазин. Нет, в этом нет никакой необходимости.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Тебе станет легче, когда ты выпьешь. Поверь. Давай. Я схожу куплю виски.

ЕКАТЕРИНА. Да нет, ничего не нужно, спасибо. Мне не плохо. Странно, да? Мне совсем не плохо. А ведь должно же быть совсем наоборот, да? Мне ведь должно быть очень плохо, правда? Тот, кому сообщают, что по его вине погиб человек, тому ведь должно стать плохо, так ведь? А мне ничего. Мне не плохо. Я вообще ничего не чувствую. Ты помнишь тот вечер в Киеве, когда я первый раз танцевала танец «Дели» для тебя и для мамы, и там был Андрей?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ты серьезно меня спрашиваешь?! Ну как я могу такое забыть?! Это навсегда останется самым главным событием в моей жизни. Я была потрясена. В тот день я поняла, что такое танец. В чем его суть, в чем смысл. Я поняла, что все, что нас окружает, есть танец. Что мы все кружимся в этом танце как танцовщики. Но только нужно суметь это увидеть. И я смогла это увидеть благодаря тебе, благодаря твоему танцу «Дели». Я танцовщик. Я танец. Я конец танца.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Помнишь первую реакцию моей мамы? Помнишь, как она кричала на меня?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Это произошло от потрясения. Но потом она же все-таки приняла твой танец.

ЕКАТЕРИНА. Спустя несколько лет. Это произошло совсем недавно. Мы два года почти не разговаривали. И только когда у нее обнаружили рак и она подумала, что умрет, только тогда она приняла меня и мы помирились. И она сказала, что принимает мой танец не как «танец счастья», а как «танец счастливого несчастья». Кстати, сразу после этого ей сделали удачную операцию, и она спокойно дожила до сегодняшнего дня. На этом мы и сошлись. Но нашу любовь с Андреем она уже ни за что не примет. Никакое событие не сможет на нее повлиять, разве только смерть. Так что сегодня мы расстались с ней окончательно.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А что тебе сказал доктор?

ЕКАТЕРИНА. Доктор говорит, что ей осталось не больше двух месяцев. Это стало известно буквально вчера, после результатов анализов удаленных частиц. Я пока ей еще ничего не сказала. Хватит уже несчастий на ее долю. Сейчас, в данную минуту, доктор как раз врет ей, что у нее проблемы с поджелудочной железой. А я жду медсестру, чтобы подписать

необходимые бумаги о том, что я ознакомлена с диагнозом и что я беру на себя ответственность и т. д. Ой...

Екатерина правой рукой хватается за сердце и так стоит замерев.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Плохо с сердцем? Давай я позову медсестру, она даст тебе валидол?

ЕКАТЕРИНА. Нет, не нужно. Это сейчас пройдет. Это такое ощущение, будто к сердцу прижали кусок раскаленного железа. Это у меня бывает. И потом проходит. Фу! Это уже прошло.

Екатерина садится на диван. Входит Алина Павловна.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Здравствуй, Лера. Ты пришла ко мне или к моей дочери?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Получается, что я пришла к вам обеим. К двум своим лучшим подругам.

ЕКАТЕРИНА. Как ты узнала, что я еще здесь, мама? Я ведь случайно задержалась.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Ну, а раз мы все тут лучшие подруги, то я могу говорить при всех. Я хочу обратиться к своей дочери. Во-первых, я знаю, что у меня новые раковые опухоли и что мне осталось не больше двух месяцев, медсестра мне сказала. Эта девушка проявила ко мне жалость, избавила меня от неведения. Хотя и за деньги, разумеется. Мы с ней заранее договорились, что если у меня будет рак, то она сообщит мне за сто долларов США. Поэтому я прошу тебя заплатить ей эти деньги. И ни слова доктору, иначе я никогда не приму всего того, что я должна принять от тебя. Тайна медсестры взамен на мое принятие тебя и твоего Андрея. Думаю, мы договорились. Ну так вот, поскольку обстоятельства моей жизни резко изменились, то и мое отношение к происходящим вещам тоже готово претерпеть изменения. Так вот, поскольку я умираю, то... Я принимаю тебя и твоего Андрея как «несчастную любовь двух счастливых». Будьте счастливы в своем несчастье. Надеюсь, его семья, его бедная жена и его дети недолго будут горевать, в общем-то, в их семье ничего такого страшного не случилось, как говорится, «уход отца – это не смерть матери». А Андрею скажи, что пусть он завтра приходит ко мне сюда. Я буду пытаться с ним дружить. Тем более эта дружба не будет такой уж долгой, чуть меньше месяца.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я ведь люблю тебя, дочка. И я принимаю тебя такой, какая ты есть. С твоим «танцем счастливого несчастья» и с твоей «несчастной любовью двух счастливых». Я, девочки, умираю без страха и с легким сердцем. Мои страдания заканчиваются. А моя дочь счастлива. Что еще нужно? Я счастлива, что ты счастлива, моя несчастная Катя. Я люблю тебя.

Екатерина встает, подходит к Алине Павловне, обнимает ее. Они садятся на диван, сидят прижавшись друг к другу. Пожилая женщина отвернулась от них и плачет. Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Извините меня, пожалуйста. Но тут нужно подписать вот эти бумаги. Это обычная формальность. Это должны сделать вы, Екатерина Александровна. Вот, прочтите и подпишите. Расписаться нужно на каждом документе. Подпись внизу.

Медсестра подает бумаги Екатерине. Екатерина читает. Подписывает одну бумагу. Потом вторую. Пожилая женщина сидит в углу и плачет. Екатерина подписывает бумаги.

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

АКТЕРЫ ВЫХОДЯТ НА АВАНСЦЕНУ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, КЛАНЯЮТСЯ ПУБЛИКЕ

Пьеса № 4

Спокойно и внимательно

Действующие лица:

Пожилая женщина

Андрюша

Медсестра

ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

Приватная комната для посетителей в городской больнице. В комнате небольшая кушетка и одно пластмассовое кресло. На стене висят несколько рекламных плакатов, рекламирующих лекарство от аллергии.

Андрей сидит в кресле. Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. К сожалению, у меня для вас очень плохие новости. Больная обречена. Доктор пытается сделать все, что возможно, но надежды нет. Ну а если быть откровенной до конца, я, конечно, сейчас нарушаю врачебную этику, но, знаете, на самом деле она уже мертва. Смерть наступила десять минут назад. Сейчас врачи составляют заключение. Официально вы узнаете об этом только после обеда. Прошу вас, не выдавайте меня, пожалуйста, ведь я это делаю по вашей просьбе, для вас.

Пауза.

МЕДСЕСТРА. Мне очень жаль.

Андрей смотрит на медсестру, потом, словно что-то вспоминая, лезет в карман брюк, достает оттуда стодолларовую купюру и протягивает медсестре.

АНДРЕЙ. Вот, возьмите, как договаривались. Спасибо.

Медсестра прячет деньги в лифчик под медицинский халат.

МЕДСЕСТРА. Не за что.

Медсестра собирается уйти.

АНДРЕЙ. Присядьте, пожалуйста. Побудьте со мной немного.

МЕДСЕСТРА. Ну хорошо, я могу. Только... вы извините, что я снова об этом... но... Если доктор узнает, что я вам рассказала раньше времени, меня уволят. А если узнают, что я еще и за деньги, то...

АНДРЕЙ. Никто не узнает, я вам обещаю. Можете посидеть со мной немного, я не хочу оставаться один?

МЕДСЕСТРА. Хорошо, хорошо. Вот я с вами. Мне очень жаль, что так получилось. Она была еще такая молодая женщина. Такая красивая.

АНДРЕЙ. Вы когда-нибудь слышали о танце под названием «Дели»?

МЕДСЕСТРА. «Дели»? Нет. Кажется, есть такой город Дели. По-моему, это столица Индии. Это какое-нибудь имеет отношение к этому танцу, о котором вы говорите?

АНДРЕЙ. Прямое. Это ее танец. Она его придумала. Или, как она мне сказала однажды, – получила. Она получила этот танец и потом стала знаменитой.

МЕДСЕСТРА. Значит, она была танцовщицей?

АНДРЕЙ. Я танцовщица. Я танец. Я конец танца.

МЕДСЕСТРА. Странные слова вы произносите.

АНДРЕЙ. И танец у нее очень странный. Это что-то необыкновенное. Что-то такое прекрасное, от чего делается страшно. Когда понимаешь, на что ты смотришь, то пугаешься, а потом... Потом решаешься отдаться этому нахлынувшему ощущению... и тогда весь мир переворачивается с ног на голову! «Нужно потерять мир, чтобы обрести его», – кто это сказал, я уже не помню, но это про ее танец.

МЕДСЕСТРА. Почему же она назвала его «Дели»?

АНДРЕЙ. Потому что однажды она поехала в Индию на гастроли со своим театром оперы и балета, в котором она служила рядовой балериной. И там, в Дели, она оказалась в месте, которое называется Мэйн-базар. Это скопище человеческой трагедии. Изуродованные нищие попрошайки, грязь, антисанитарные условия, в то же время повсюду продают горячую еду, на сорокаградусной жаре висят разделанные туши животных и птиц, стоит невыносимый запах. Мальчишки срезают острыми монетами сумки туристов, идет торговля одеждой и поддельными украшениями. Она увидела, что вся земля полна слизи и червей. Всюду крики и стоны, сигналы машин и жуткий смех. Словом, она оказалась в аду. И тогда ее тело вдруг как иголкой пронзила сильнейшая острая боль. Ее буквально сковало болью. Она вся сама стала болью, сплошной болью. И вот рядом с ней оказался продавец жареного мяса. На его огненном лотке на красных углях лежал кусок раскаленного железа, наверное, это была кочерга, чтобы мешать угли, но Катя называет это просто куском железа. Так вот, сама не понимая, что делает, она схватила кусок этого железа и прислонила его к своему сердцу. Она сожгла свою грудь, сделав невероятный по силе ожог. Потом она потеряла сознание. Ее отвезли в больницу. Долгое время лечили, приводили в чувство. У нее ведь было сильнейшее нервное потрясение да плюс еще ожог. Она ушла из театра. Долго лечилась. И вот однажды ночью, почти уже под утро, ей приснился танец. Ей приснился кто-то, кто танцует этот танец. И потом она поняла, что этот кто-то и сам танец – это все одно и то же. И что это и есть она сама. Когда же Катя проснулась, то она отчетливо помнила многие движения того танца, и она помнила название этого танца – «Дели». И вот в это утро у себя в комнате Катя стала создавать своей неповторимый танец. Она рассказывала мне, что в ее воображении всплывали все пережитые ею на рынке в Дели ужасные картины: нищие, раскаленное железо, изуродованные люди, грязь, но движения ее танца от этого становились все более прекрасными. Так и получился этот танец – это воспевание грязи и ужаса. Это гимн уродству и человеческой трагедии. Это танец, который говорит миру, что ужаса и боли нет, а есть только красота танца. Что все есть танец.

МЕДСЕСТРА. Что, и Освенцим тоже танец?!

АНДРЕЙ. А почему вы вспомнили про Освенцим?

МЕДСЕСТРА. Потому что там фашисты загубили тысячи еврейских детей.

АНДРЕЙ. А при чем тут еврейские дети?

МЕДСЕСТРА. Ну что же это, тоже танец, по-вашему?

АНДРЕЙ. Интересно, как быстро вы среагировали. Я даже не успел объяснить все до конца. У вас что, родственники погибли в Освенциме?

МЕДСЕСТРА. Нет. Но я просто привела в пример первое, что пришло мне на ум.

АНДРЕЙ. Интересно, почему же Освенцим – это первое, что пришло вам на ум?

МЕДСЕСТРА. Ну, вы тогда извините, если что я не так сказала. Просто когда вы заговорили, что боль и ужас есть прекрасный танец, то я первым делом вспомнила Освенцим как символ боли и ужаса.

АНДРЕЙ. Я не могу словами передать вам смысл и суть танца «Дели». Чтобы это понять, нужно смотреть танец. Я могу только сказать вам, что я сам понял, когда впервые его увидел. Это было в Киеве. Я понял, вернее, я это как-то ощутил всем своим существом,

что... Что, как бы это сказать... э-э... Что важно позволить всему быть таким, каким все есть. Важно позволить всему просто быть.

МЕДСЕСТРА. В каком смысле. Все ведь и так есть?

АНДРЕЙ. В смысле, что все есть так, как оно есть. И все это должно просто быть. Нужно просто разрешить всему этому быть. Ничего не запрещать. Э... Мне трудно подобрать слова. Не в смысле отсутствие запретов, но даже сами запреты пусть тоже будут. Словом, нужно внутри самого себя разрешить быть всему, что происходит вокруг и везде. И пусть все останется на своих местах. Пусть все останется так, как есть.

МЕДСЕСТРА. А Освенцим?

АНДРЕЙ. А Освенцим пускай тоже останется на своем месте. Все пускай будет там, где оно есть.

Пауза.

МЕДСЕСТРА. И давно ваша жена придумала этот танец?

АНДРЕЙ. Почему моя жена? Этот танец придумала не моя жена, я говорю не о своей жене, а совсем о другой женщине.

МЕДСЕСТРА. Ой. А я этого не поняла. Я думала, мы говорим о вашей жене. Это ведь там, простите, лежит, ваша жена, это с ней случилось...

АНДРЕЙ. Да. Это с ней случилось... А говорил я о другой женщине. Об одной великой танцовщице, потому что ее танец дает мне силы воспринимать этот мир и жить в нем.

МЕДСЕСТРА. А тогда можно мне задать вам один прямой вопрос?

АНДРЕЙ. Нет. Не знаю. Хорошо, задавайте.

МЕДСЕСТРА. Только вы на меня не обижайтесь, ради бога. Но вот то, что ваша жена покончила с собой, это что, тоже, значит, пусть все останется на своем месте? Это все пусть тоже будет так, как есть? Это тоже танец «Дели», так, да?

Пауза.

АНДРЕЙ. Я виноват во всем.

МЕДСЕСТРА. Ну-ну, простите меня. Я зря спросила.

АНДРЕЙ. Вы спросили, я вам ответил.

МЕДСЕСТРА. Извините.

АНДРЕЙ. Я виноват в том, что случилось с этими еврейскими детьми в Освенциме. Я их всех стер в порошок и сделал из них мыло для своего туалета. Хайль Гитлер!

Андрей встает и вытягивает руку вперед.

АНДРЕЙ. Хайль Гитлер! Вот мой танец! Хайль Гитлер! Вот мой танец!

Андрей выбрасывает руку вверх в фашистском приветствии.

АНДРЕЙ. Вот мой танец. Хайль! Хайль, хайль!

МЕДСЕСТРА. Пожалуйста, остановитесь. Здесь нельзя.

АНДРЕЙ. Вот мой танец. Хайль – мой танец. Я виноват во всем, вот мой танец!!!

Входит пожилая женщина.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрюша, вам нужно успокоиться. Андрей! Ну-ка идите-ка сюда ко мне.

Пожилая женщина подходит к Андрею, поднимает его на ноги, обнимает. Они стоят обнявшись. Андрей плачет в плечо пожилой женщины.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ну-ну-ну. Ну я с тобой. С тобой. Я верно почувствовала, что мне нужно сюда заехать. Ну все, все, успокойся. Нужно набраться смелости и терпения. Все это закончится.

Пожилая женщина обращается к медсестре.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Девушка, оставьте нас одних, хорошо?

МЕДСЕСТРА. Да-да, конечно, извините.

Медсестра уходит. Пожилая женщина подводит Андрея к дивану, они садятся на диван, Андрей положил голову на плечо пожилой женщины, он всхлипывает, как маленький ребенок.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ты должен ее отпустить. Тебе нужно отпустить ее. Я знаю, тебе это не просто, но это нужно сделать. Открой свое сердце, дай ей возможность улететь по своим делам. Она уже все равно не с тобой. Она уже не та. Ее больше уже нет – той, которую ты знал.

АНДРЕЙ. Она умерла.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я поняла, да.

АНДРЕЙ. Я виноват во всем.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Пора уже прекратить искать виноватого. Пора уже стать взрослым. Нам всем пора повзрослеть. Нам всем пора прекратить искать виноватого. Это первый признак взросления – прекратить искать того, кто виноват.

АНДРЕЙ. А Освенцим?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Какой еще Освенцим?

АНДРЕЙ. Там, где из еврейских детей делали мыло?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А при чем тут еврейские дети и мыло?

АНДРЕЙ. Ну, я просто привел в пример первое, что пришло мне на ум.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Интересно, почему же Освенцим – это первое, что пришло тебе на ум? У тебя там погиб кто-нибудь из родственников?

АНДРЕЙ. Нет. Но кто-то же виноват в том, что там случилось? Кто виноват? Я хочу знать, есть ли в мире виноватые или нет? Вот главный вопрос? Есть ли в мире виноватые?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Нужно отпустить, Андрей. Понимаешь, просто набраться смелости и отпустить. Это и есть здравый смысл. Это и есть освобождение. Она ведь уже не принадлежит тебе. Ее той, которую ты знал, ее уже больше нет. Она умерла. Отпусти ее, и всем станет легче. И тебе, и ей, и еврейским детям.

АНДРЕЙ. Скажи мне, я виноват в ее смерти?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Нужно просто перестать быть ребенком. Нужно повзрослеть.

Помнишь, с чего начинается ее танец? Вначале адская боль, нестерпимая боль, испытываемая за всех страдающих на этой земле. Эта боль подобна тому, как будто кусок раскаленного железа прижали к ее груди. А потом длинный фрагмент принятия.

Всеобщего принятия и боли, и ужаса, и трагедии. А потом главная часть танца – красота.

Все, что принято, вся наша вина становится красотой. Наша вина превращается в

божественный узор. И потом финальная часть. Господи, какая же она все-таки гениальная баба, что смогла создать такой неповторимый по красоте и смыслу танец.

АНДРЕЙ. Я могу это чувствовать, только когда вижу, как она танцует. Только рядом с ней мне не хочется задавать этого вопроса «Кто виноват?». А когда ее нет, я снова начинаю сомневаться во всем. И в моей голове возникает этот проклятый Освенцим.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ее больше нет. Отпусти ее, Андрей. У тебя своя жизнь, у нее своя.

Она сделала свой выбор сама. Никто в этом не виноват. Некого винить. Отпусти ее.

Представь, что ты подписываешь документы своим сотрудникам на дополнительный отпуск. Каждая твоя роспись внизу документа – это отпуск для твоего сотрудника.

Подпиши ей отпуск. Отпусти ее, еврейских детей и куски раскаленного железа – пусть все это отправляется в отпуск. Пусть все это летит. Пускай все летит.

Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Извините меня, пожалуйста. Но тут нужно подписать вот эти бумаги.

Я понимаю, вам сейчас непросто, но это действительно необходимо сделать. Вот прочтите и подпишите. Расписаться нужно на каждом документе. Подпись внизу.

Медсестра подает бумаги Андрею. Андрей читает. Подписывает одну бумагу за другой. Медленно ставит подпись внизу страницы на каждом листе. Пожилая женщина сидит в углу и плачет. Андрей подписывает бумаги одну за другой.

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

АКТЕРЫ ВЫХОДЯТ НА АВАНСЦЕНУ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, КЛАНЯЮТСЯ ПУБЛИКЕ

Пьеса № 5

И внутри и снаружи

Действующие лица:

Алина Павловна
Пожилая женщина
Андрюша
Медсестра

ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

Приватная комната для посетителей в городской больнице. В комнате три больших белых кресла из искусственной кожи и маленький круглый столик для газет и журналов. На стене календарь с видами природы.

В комнате медсестра и пожилая женщина.

МЕДСЕСТРА. К сожалению, у меня для вас очень плохие новости. Больная обречена. Доктор пытается сделать все, что возможно, но надежды нет. Обширный инфаркт. Остановка сердца. Ну а если быть откровенной до конца, я, конечно, сейчас нарушаю врачебную этику, но, знаете, на самом деле она уже мертва. Смерть наступила десять минут назад. Сейчас врачи составляют заключение. Официально вы узнаете об этом только после обеда. Прошу вас, не выдавайте меня, пожалуйста, ведь я это делаю по вашей просьбе, для вас.

Пауза.

МЕДСЕСТРА. Мне очень жаль.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Да, кстати...

Пожилая женщина роется в сумочке, достает стодолларовую купюру и подает медсестре.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Большое спасибо за оперативную и честную информацию.

Медсестра прячет деньги в лифчик под медицинский халат, собирается уйти.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Присядьте, пожалуйста. Побудьте со мной немного.

МЕДСЕСТРА. Ну хорошо, я могу. Только... вы извините, что я снова об этом... но... Если доктор узнает, что я вам рассказала раньше времени, меня уволят. А если узнают, что я еще и за деньги, то...

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Никто не узнает, я вам обещаю. Можете посидеть со мной немного, я не хочу оставаться одна?

МЕДСЕСТРА. Хорошо, хорошо. Вот я с вами. И хочу сказать, что мне очень жаль. И примите мои соболезнования.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Вы когда-нибудь слышали о танце «Дели»?

МЕДСЕСТРА. Дели? Дели – имеется в виду женское имя или столица Индии?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Этот танец зародился в столице Индии, в Дели. В месте, которое называется Мэйн-базар. Среди нищеты, грязи, людского страдания, испорченного мяса и всевозможных товаров для туристов. Это один из самых прекрасных танцев, которые мне довелось видеть. А я видела немало, потому что по профессии я балетный критик.

МЕДСЕСТРА. Прекрасный танец в ужасном месте. Это очень странно. Вы знаете, я здесь работаю всего полгода, и за это время я уже столько раз видела мертвецов.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Мертвецов?

МЕДСЕСТРА. Да, мертвецов. Ну, в смысле, покойников.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А это вы, простите, к чему сейчас говорите?

МЕДСЕСТРА. Просто хочу поделиться с вами своим опытом. Ну у нас ведь тут почти каждую неделю кто-нибудь умирает. И знаете, я вдруг как-то подумала в лифте. Я ехала в грузовом лифте вместе с носилками с умершей больной. И вот я смотрю на нее и понимаю, что это молодая девушка, точно моя ровесница. И вот я вдруг, сама того не желая, вдруг ясно представила себя на ее месте. Это как-то так явно случилось, как некое видение. И мне вдруг отчетливо стало понятно, что ведь я тоже когда-нибудь умру. Вам, наверное, это непонятно.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Почему? Понятно.

МЕДСЕСТРА. Нет, вам не понятно. Это никому не понятно. Я потом, кому ни рассказывала, все меня слушают и говорят – понятно, а я вижу, что непонятно. Мы не можем понять, что умрем, пока мы живы или пока мы раком не заболели. Я вроде тоже до этого случая не раз думала о своей смерти. И покойников много раз видела, и на вскрытии была, когда училась в колледже. Но в этот раз я как-то вдруг по-особенному это поняла. Я вдруг по-настоящему поняла, что я могу умереть и что я умру. Я даже не могу вам это объяснить. Это вот если вы сейчас себе скажете: «Я когда-нибудь умру», и вы хоть сто раз повторите это себе: «Я умру, я умру, я умру», то ничего не будет, ничего не поймете. Если вы даже меня слушаете и думаете: «Ну, это не ново», я тоже так думала. Это все не то. Мы не понимаем, что мы умрем. И вот эта мысль меня осенила. Мы не понимаем, что мы умрем. Вы знаете, что вы умрете, но вы не понимаете этого. В этом вся ваша беда и вся проблема. Если бы вы это поняли, если бы вы поняли, что умрете, то вы бы по-другому начали бы жить.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А что значит «по-другому»?

МЕДСЕСТРА. Вы думаете, я плохой человек, беру у вас деньги, наживаюсь на вашем горе. А я думаю по-другому. Я вижу, что вы состоятельная дама. Вы ведь мне сами предлагаете эти деньги, потому что вам не терпится узнать, умер ваш близкий или еще нет. А я беру деньги, потому что я знаю, что мне эти деньги теперь очень нужны. Потому что мне нужно накопить на поездку. Я в Индию хочу уехать. Надолго, насовсем, может быть. Мне кажется, я там смогу научиться у какого-нибудь учителя, как нужно относиться к смерти и

что нас ждет потом, после. И я хочу именно у учителя это узнать, а не в книжках. Как думаете, это утопия – то, что я говорю, или есть смысл туда поехать?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Знаете, есть такая поговорка: «Лучше прожить плохо свою жизнь, чем хорошо, но чужую».

МЕДСЕСТРА. А разве можно прожить чужую жизнь, ведь у каждого жизнь только своя?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Нет, вот у меня она оказалась чужой. Я прожила прекрасную, вроде бы счастливую, но чужую жизнь. Но сейчас речь не обо мне. Я это сказала для вас, чтобы вы запомнили эту поговорку. И потом, вы знаете, там, в Индии, не под каждым деревом сидит учитель в ожидании своих новых учеников. А с другой стороны, вы ведь все равно поступите так, как у вас получится. Жалко, что вы не видели танца «Дели», возможно, он бы на вас сильно повлиял, раз вы такая чувствительная натура.

МЕДСЕСТРА. Тогда расскажите мне про этот танец. Хотя бы в общих чертах.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Как можно рассказать про танец?

МЕДСЕСТРА. Вы же критик, разве вы не этим занимаетесь?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Какой ужас! Я действительно занимаюсь именно этим. Но я же вам сказала, что лучше прожить плохую, но свою жизнь, чем насыщенно и интересно чужую. Я прожила чужую жизнь. Рассказывала о чужих танцах, а сама не выучилась ни одному красивому па.

МЕДСЕСТРА. Так что это за танец «Дели»? Когда он возник? И кто его автор? Или это народный танец?

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Вы когда-нибудь видели, как режут свинью?

МЕДСЕСТРА. Нет, не видела.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Но вы, наверное, догадываетесь, что это зрелище не самое приятное?

МЕДСЕСТРА. Нет, не догадываюсь. Точнее, я не думала об этом.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А вы, простите, свинину-то едите?

МЕДСЕСТРА. Ем.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Так вот. Это мерзкое зрелище, когда режут свинью. Если бы вы поняли это, так же как вы поняли, что умрете, то вам бы кусок свинины в рот больше не полез. Коров и свиней убивают мясники, и повсюду хлещет кровь, и бедные животные визжат, и глаза у них полны дикого ужаса, а потом вы их едите. Я была на скотобойне. Причем на образцовой скотобойне в Америке. Я-то, правда, и до этого не ела мяса, но некоторые мои коллеги, которые со мною были, стали после посещения этого места вегетарианцами.

МЕДСЕСТРА. А что вы делали на скотобойне?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Смотрела спектакль одного американского балетмейстера. Он поставил балет и сыграл премьеру на скотобойне, к общему ликованию американских критиков. Это был спектакль против войны в Ираке. Полный идиотизм. Бездарный спектакль, бездарная идея, пошлость и ничего больше. Но суть не в этом. Мои родители были вегетарианцами, и я никогда не ела мяса с самого рождения и до вчерашнего дня. Но вот вчера я купила на рынке кусок свинины, пришла домой, отрезала маленький кусочек, засунула его в рот и стала жевать. И прожевала. Я смогла прожевать и проглотить сырой кусок свинины. Вот с чего бы я хотела начать свой рассказ о том, что такое танец «Дели».

МЕДСЕСТРА. Я не понимаю.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Вся моя жизнь – фальшь, спектакль против войны в Ираке на мясобойне! Все, кто восхищается танцем «Дели», – все лгуны. Танец «Дели» недоступен нашему пониманию. В конце я проблевалась от этого мяса, и я упала в обморок, вот что произошло. Писать про танец и не уметь танцевать – это хорошо прожитая чужая жизнь. Рассказ о танце и сам танец – это не одно и то же. Восхищаться танцем и танцевать – это не одно и то же. Танец «Дели» – это танец счастливого вегетарианца с куском сырой свинины во рту. Сострадание – вот чего не было в моей жизни критика, и нет ему там места. Сострадание – вот мерило честности и подлинного понимания вещей. Тот, кто сострадает, тот не ходит на митинги. Тот, кто по-настоящему сострадает, тот не пишет статьи о театре, а занят исполнением своей роли.

МЕДСЕСТРА. Разве выступать против войны в Ираке – это не сострадание?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Это интеллектуальная концепция. А подлинное сострадание не создает концепций. Жить чужой жизнью – это и значит жить внутри концепции, созданной тем, у кого нет сострадания и подлинного понимания вещей. Я прожила красивую жизнь, описывая ужасы и прелести скотобойни, а автор танца «Дели» сама была той коровой, с которой содрали кожу и повесили на крюк. Автор танца «Дели» – это кровавая коровья туша, которая вдруг стала исполнять волшебный танец красоты. Тот, кто говорит о дерьме, – тот дерьмо. А тот, кто говорит о красоте, – тот красота. Лучше своя плохая жизнь, чем хорошая, но чужая. Фу!

Пауза. Входит Андрей.

АНДРЕЙ. Ну?!

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрей... К сожалению, все очень плохо... Она умерла.

Пауза

АНДРЕЙ. Уф! Это так странно ощущать. Не знаешь даже, как реагировать.

Пауза

АНДРЕЙ. Вроде бы такое страшное известие, а нет ощущения ужаса. Я вообще ничего не чувствую. Я вот слышу, что ты сказала, я понимаю, да. Я получил известие – у меня умерла любимая женщина. Но что же делать? Я даже не знаю, как реагировать. Я, наверное, должен плакать? Но мне не хочется. Странное такое ощущение. Я ничего не чувствую.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. И я тоже очень странно себя ощущаю. У нас такое горе. Но что же делать?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрей!

Пожилая женщина встает, идет к нему. Они обнимаются. Стоят обнявшись.

МЕДСЕСТРА. Потому что вы не понимаете, что на конце смерть.

АНДРЕЙ. Что?

МЕДСЕСТРА. Вся фальшь и вся бессмыслица оттого, что вы не понимаете, что в конце всего находится смерть.

АНДРЕЙ. Это вы нам говорите?!

МЕДСЕСТРА. Всем. Я сама это недавно поняла.

АНДРЕЙ. Что она говорит, я не понимаю? Девушка, это вы к нам обращаетесь?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Она поняла, что когда-нибудь умрет, а ты еще не понял, что такое смерть. Вот что она говорит.

АНДРЕЙ. Я не понял, что такое смерть? Кому она это говорит?! Я не понял? Это вы мне сейчас сказали? Это я не знаю, что такое смерть? Я не знаю?! Я?! Я стою здесь, в этом месте, по поводу...

Андрей срывается и кричит.

АНДРЕЙ. По поводу смерти! Вы же прекрасно знаете, что мы здесь по поводу смерти!

МЕДСЕСТРА. Не своей смерти.

АНДРЕЙ. Что?

МЕДСЕСТРА. Простите, я должна уйти. Подождите здесь, я скоро вернусь, сообщу вам все, что нужно будет сделать.

Медсестра уходит. Андрей сидит на диване рядом с пожилой женщиной.

Пауза.

АНДРЕЙ. Разве это чужая смерть? Разве это смерть чужого мне человека?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Она хотела сказать, что смерть, пускай даже не чужого тебе человека, – все равно это чужая смерть, в том смысле, что не твоя.

АНДРЕЙ. Что это за слова? Не понимаю ни единого слова! Я не понимаю того, что вы тут мне говорите! Я потерял близкого мне человека. Я знаю, что такое смерть! Вот она, смерть, передо мной, я ее вижу! Вот она!

Пауза.

АНДРЕЙ. Сколько слов. Сколько вы все время произносите слов. Говорите, говорите. Одна идея сменяет другую, потом еще. И вы все говорите, говорите. Столько слов. Столько слов. Вот в чем истинное преимущество танца над всеми – в молчании.

Пауза.

АНДРЕЙ. В начале было молчание, и молчание было у Бога, и молчание было Бог.

Пауза. Входит Алина Павловна. Она идет, еле передвигая ноги, опираясь на трость. Пожилая женщина и Андрей помогают ей усесться на диван.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я решила приехать. Дома я не могу.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Садись, садись. Нам сказали сидеть здесь и ждать.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Чего? Я уже все знаю, медсестра мне позвонила сразу же, как только это случилось. Чего мне ждать еще?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Наверное, доктора, его заключительного слова.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Не нужно мне никаких слов. Я приехала не за этим. Я просто хочу быть здесь, вот и все.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ну и будь. Только заткнись, пожалуйста. Будь здесь молча. Вон как наш Андрей, понял наконец-то, что молчание – это золото, и замолчал. И ты заткнись.

Пожилая женщина вдруг выходит из себя и орет.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Заткнись! Поняла! Чтобы я ни слова не слышала от тебя! Пришла, сиди и молчи! Я не могу слышать тебя! Ни единого слова! Поняла?! Поняла?!
АЛИНА ПАВЛОВНА. Поняла.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Извини. У меня нервы сдали. Прости.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Как ваша жена, Андрей, как дети?

АНДРЕЙ. С ними все в порядке. Жена и дети на даче у родителей. Простите, я не хочу разговаривать. Можно, я буду молчать.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Да-да, конечно. Мы все должны выполнять приказание этой строгой дамы.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я еще раз прошу прощения.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Нет-нет, почему же? Продолжай командовать. Ты ведь эксперт, ты же критик, ты же лучше других знаешь, что всем нужно делать. Мы все тебе подчиняемся.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ты решила показать нам, как нужно держать себя в руках? А мне кажется, что ты просто не сильно-то уж и переживаешь.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я уже давно все это приняла. И не нужно хамить, это не к лицу знаменитому критику. Хамят только начинающие, а такие, как ты, уже поучают. Хочешь меня поучать – поучай, а хамить не нужно, возраст у тебя уже не тот.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Извини. Я знаю, что тебе сложнее всех.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Нет, мне не сложно. У меня же нет выбора. Я ведь еще жива и продолжаю жить. И мне нужно как-то жить. И нет никакого выбора, как только принять все это. Я всю жизнь только и делаю, что принимаю. Принимаю и принимаю. И сейчас я опять сумела все это принять. И танцовщицу, и этот танец, и конец этого танца.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Как же это тебе удалось?

АЛИНА ПАВЛОВНА. Спасибо смерти. Все, что у нас есть ценного в этой жизни, – это смерть. Я ведь сама-то уже несколько лет как умираю. То у меня рак, то удачная операция, то снова рак, то снова удачная операция. Я, Лера, вдруг поняла такую очень простую вещь – мы все умрем. Ха-ха. Смерть – самое полезное лекарство. Смерть всех нас лечит. Ха-ха. Рак наш доктор. Речной.

Алина Павловна смеется. Пожилая женщина улыбается. Андрей смотрит на них удивленно.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Речной рак наш доктор. Ха-ха-ха. Горе, а смешно. Ей-богу смешно. Ха-ха-ха.

Алина Павловна начинает хохотать. Пожилая женщина тоже смеется. Они обе смеются все сильнее и сильнее, приступ смеха.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Рак наш доктор, слышь, Лера, рак. Не болезнь, а тот, который в реке.

Приступ смеха. Женщины умирают от смеха.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Речной рак – доктор. Понимаешь. Ха-ха-ха.

Женщины смеются. Андрей смотрит и на них, и на его лице появляется улыбка.

Входит медсестра. Смех стихает. Женщины успокаиваются. Медсестра подходит к Алине Павловне.

МЕДСЕСТРА. Извините меня, пожалуйста. Я понимаю, у вас сильное горе. Но нам нужно вам помочь. И чтобы мы могли вам помочь, вам нужно подписать вот эти бумаги. О том, что вы не будете делать вскрытие, и еще несколько документов. И только после этого мы отдаем тело в морг. Это нужно сделать.

Медсестра подает бумаги Алине Павловне. Алина Павловна читает. Подписывает одну бумагу. Потом вторую. Потом она смотрит на Андрея. Андрей смотрит на нее. Алина Павловна снова подписывает бумагу. Пожилая женщина сидит в углу и улыбается. Алина Павловна подписывает бумаги.

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

АКТЕРЫ ВЫХОДЯТ НА АВАНСЦЕНУ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, КЛАНЯЮТСЯ ПУБЛИКЕ

Пьеса № 6

И в начале и в конце

Действующие лица:

Екатерина
Алина Павловна
Андрюша
Медсестра

ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

Приватная комната для посетителей в городской больнице. В комнате два дивана и ни одного стула. На стене фотообои с изображением какого-то европейского города со средневековой архитектурой, с готическим костелом и домами с черепичными крышами.

Андрей сидит на диване. Входит Екатерина.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Привет. Я приехала, чтобы тебя поддержать. Как ты?

АНДРЕЙ. Если честно, я очень плохо.

ЕКАТЕРИНА. А как Ольга?

АНДРЕЙ. Она отравилась. Выпила две банки снотворного.

Пауза.

АНДРЕЙ. Катя, прости, но я не могу быть счастливым после того, что произошло.

ЕКАТЕРИНА. Разве счастье зависит от обстоятельств?

АНДРЕЙ. А от чего оно зависит?

ЕКАТЕРИНА. От сердца. Счастье находится внутри твоего сердца. Разве у тебя не бывает такого ощущения, как будто к сердцу прижали кусок раскаленного железа?

АНДРЕЙ. Я не знаю. Я в последнее время ничего не чувствую.

ЕКАТЕРИНА. Это невозможно не почувствовать. Пронзительная боль. Сердце накаляется докрасна и становится куском раскаленного железа. Само сердце – это кусок раскаленного железа. Счастье – там, в глубине этого огня, в самом центре твоего сердца.

АНДРЕЙ. По-твоему, счастье – это нестерпимая боль?

ЕКАТЕРИНА. Нет, счастье – это покой и умиротворение.

АНДРЕЙ. Но ведь если прижать к сердцу кусок раскаленного железа, то это ужасно больно?

ЕКАТЕРИНА. Только первые несколько секунд, а потом, вслед за этой болью, наступает блаженство и покой. А потом из этого покоя вырастают люди и города, цветы и деревья, вырастает весь мир. Этот мир соткан из узоров покоя и красоты.

АНДРЕЙ. Да-да. Это все, о чем ты говоришь, это все есть в твоём танце, это все ощущается, когда смотришь на то, как ты танцуешь. Но я не танцую. Что мне делать? Моя жена Ольга не танцовщица, что было делать ей?

ЕКАТЕРИНА. Жить своей жизнью. Чтобы исполнять танец, не нужно быть профессиональным танцовщиком. Мы рождены для танца, и вся наша жизнь танец. Хотим мы этого или нет, но это так. Когда ты ешь, или идешь на работу, или режешь свинью, или занимаешься сексом, или чинишь машину, ты исполняешь танец. Ты совершаешь движения под музыку, значит, ты танцуешь.

АНДРЕЙ. Что ты называешь музыкой, под которую все движется? Разве сейчас играет какая-нибудь музыка?

ЕКАТЕРИНА. Ритм твоего сердца. Стук твоего сердца – твоя музыка. Положи правую руку на сердце, закрой глаза и послушай.

Екатерина кладет правую руку себе на сердце, закрывает глаза, на несколько секунд замирает, потом открывает глаза, убирает руку.

ЕКАТЕРИНА. Вот наша музыка, под которую мы танцуем. Все люди без исключения. Мы танцовщики. Мы танец. Мы конец танца. Все причины и следствия выходят из этой музыки и возвращаются обратно. Когда музыка закончится, твой мир снова уйдет внутрь твоего сердца, откуда он и вышел.

АНДРЕЙ. Ты можешь слышать этот ритм своего сердца всегда, каждую секунду?

ЕКАТЕРИНА. Я всегда его слышу.

АНДРЕЙ. Но я и другие люди нет. Мы не можем каждое мгновение прислушиваться к биению своих сердец. Нам нужно чинить машины, заниматься сексом и резать своих свиней.

ЕКАТЕРИНА. А зачем прислушиваться? Нужно просто ощущать этот ритм всем своим существом.

АНДРЕЙ. Но я не могу. Моя жена выпила две банки снотворного из-за того, что я сказал ей, что люблю другую женщину. Что я люблю тебя. И теперь мы сидим здесь, в этой больнице, где повсюду запах смерти и где между нами моя несчастная жена, которая отравилась из-за нас. И я не могу не чувствовать своей вины. Разве ты не чувствуешь себя виноватой в том, что случилось?

ЕКАТЕРИНА. А разве обязательно нужно искать виноватого, разве это необходимо, чтобы обязательно кто-нибудь был виноват? Разве нельзя обойтись без вины и без виновного. Неужели сострадание не сможет заменить поиски виновного? Сострадать гораздо важнее, чем искать того, кого можно обвинить.

АНДРЕЙ. Ну а как же Освенцим?

ЕКАТЕРИНА. Какой Освенцим?

АНДРЕЙ. Ну тот самый Освенцим, где из еврейских детей делали мыло, разве там нет виноватых?

ЕКАТЕРИНА. А при чем тут Освенцим? У тебя что, там погиб кто-нибудь из близких?

АНДРЕЙ. Да нет. Просто привожу пример, первое, что приходит мне на ум.

ЕКАТЕРИНА. Странно, что это первое, что приходит тебе на ум.

АНДРЕЙ. Но как же с этим быть?

ЕКАТЕРИНА. Отпустить.

АНДРЕЙ. Но я не могу, не могу.

ЕКАТЕРИНА. Нужно набраться смелости и однажды прижечь себя куском раскаленного железа. Нужно найти в себе сострадание. Потому что только сострадание избавляет твой ум от Освенцима и от поиска виноватых.

Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Ну вроде бы все обошлось. Ваша жена пришла в себя. С ней все в порядке. Будет жить. Можете вздохнуть и выдохнуть. Сейчас к ней нельзя, она спит. Идите домой и приходите завтра с утра. И доктор с вами встретится тоже завтра с утра.

Андрей встает, подходит к Екатерине, обнимает ее. Они стоят обнявшись.

ЕКАТЕРИНА. Девушка, оставьте нас одних, хорошо?

МЕДСЕСТРА. Да-да, конечно. Просто нужно, чтобы вы кое-где расписались, это такая формальность...

ЕКАТЕРИНА. Через полчаса, если можно?

МЕДСЕСТРА. Хорошо. Я зайду позже. Может быть, вам нужно валерьянки?

ЕКАТЕРИНА. Нет-нет. Ничего не нужно.

АНДРЕЙ. Нам нужно поговорить.

МЕДСЕСТРА. Извините.

Медсестра уходит. Екатерина и Андрей стоят обнявшись. Андрей опускает руки, отходит от Екатерины, садится на диван.

Пауза

АНДРЕЙ. Знаешь, для меня было бы легче, если б она умерла.

ЕКАТЕРИНА. Потому что ты боишься.

АНДРЕЙ. Чего?

ЕКАТЕРИНА. Всего. Ты трус, Андрей. Ты боишься себя, боишься окружающего тебя мира. И единственная ценность, которая у тебя есть, – это наша с тобой любовь, но ты не веришь в нее, тебе мешает призрак несуществующего Освенцима в твоей голове. Ты сам находишься в этом Освенциме. Ты еврейское дитя, из которого жизнь делает мыло, чтобы правозащитники разных стран могли намылить свои руки перед тем, как идти на свои митинги. Даже сейчас, когда я произношу эти слова, тебе делается страшно, потому что вместо подлинного сострадания в твоём сердце только концепции. Концепция добра, концепция справедливости, концепция холокоста. Тот, кто страдает, тот ест пищу грязными руками, а тот, кто тщательно мылит руки перед едой, тот увеличивает потребность мыла на мировом рынке. Мыла изготавливается все больше и больше, но руки при этом чище не становятся. Ты думаешь, есть две чаши весов. А на самом деле у этих весов только одна чаша. Есть только одна чаша, и на ней ничего не взвешивают, из этой чаши пьют. Пьют свою жизнь. Каждый свою жизнь. И не нужно превращать Грааль в продуктовые весы. Ты меня любишь вследствие одних причин, а твоя жена отравилась вследствие других причин. Тут нечего взвешивать, тут нужно пить.

Долгая пауза.

АНДРЕЙ. Я продал свою машину из-за этих проклятых пробок. По городу стало невозможно ездить. Два часа уходит на то, чтобы добраться от дома до работы, а на метро я добираюсь всего за полчаса, от двери квартиры до двери института. Я еду в метро, я читаю рекламу, наклеенную на стены и стекла поезда. Я узнаю, что есть новые замечательные пылесосы, я узнаю, что есть возможность получить квартиры в кредит, я узнаю, что есть туристические страны, что есть Египет, Турция. Есть Турция! Я не был там, но я знаю, что она есть. Есть города, люди, метро и машины. Есть пробки. Все это существует. Этот мир существует. Я его вижу. Я много езжу на метро. Я спускаюсь под землю, там тоже жизнь. Под землей тоже жизнь. Там темные тоннели, там яркий свет фонарей. Там ток. Я спускаюсь под землю, там тоже жизнь. Я спускаюсь под землю. Я сам выбрал для себя этот путь. Я продал машину из-за пробок, я решил спускаться под землю, потому что так быстрее. Я спускаюсь под землю. Я спускаюсь под землю... О чем я хотел сказать, я уже не помню... На чем я закончил? На том, что я спускаюсь под землю... Я уже говорил это... Я уже не помню, что дальше... Прости, мне что-то не очень хорошо. Я должен идти, договорим позже.

Андрей встает и, слегка пошатываясь, идет к двери.

ЕКАТЕРИНА. Тебе плохо, давай я провожу тебя.

АНДРЕЙ. Нет-нет. Я поеду домой, там дети. И я хочу побыть один. Я поеду на метро, спущусь под землю. Мне уже пора... До свидания.

Андрей уходит. Екатерина остается одна.

Пауза.

Входит Алина Павловна.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я уже поговорила с медсестрой и знаю, что все в порядке. Слава богу. Это такое везение. Фу!

ЕКАТЕРИНА. Зачем ты сюда приехала, мама, ты могла бы узнать обо всем по телефону?

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я тебе звонила, но твой телефон выключен. И я подумала, что, значит, ты в больнице. Я ведь тоже места себе не нахожу. Я ведь тоже чувствую себя виноватой.

ЕКАТЕРИНА. Но я не чувствую себя виноватой, мама.

АЛИНА ПАВЛОВНА. И тем не менее ты виновата. Вы с Андреем довели бедную женщину до самоубийства.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Зачем ты приехала, мама?

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Ты помнишь одну мою давнюю знакомую, Леру, вы с ней встречались тогда в Киеве, в ресторане, когда ты танцевала, такая типичная интеллигентная дама?

ЕКАТЕРИНА. Нет, мама, прости, не помню.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Ну да, к нам домой она никогда не приходила, но мы в молодости с ней общались. А потом мы снова встретились тогда в Киеве, в ресторане. Ну конечно, ты ее не вспомнишь, вокруг тебя ведь крутится много народу. Просто сегодня я узнала о том, что она уже два года как умерла. Странно, два года прошло, а я ничего и не знала об этом.

ЕКАТЕРИНА. Вы были близки с ней?

АЛИНА ПАВЛОВНА. Да как тебе сказать? В общем-то нет. Совсем еще в молодости мы были в одной компании, а потом встречались все реже и реже. Но я знаю, что ей очень нравился твой танец. Она ведь по профессии балетный критик.

ЕКАТЕРИНА. А как ее фамилия?

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я уже не помню. Да это и не важно. Она никогда не писала о тебе и о твоём танце. Именно потому, что она была без ума от него. Как-то, как раз года два назад, я ее встретила на юбилейном вечере одного нашего знакомого актера. И мы с ней проговорили весь антракт. Все время говорили о твоём танце. И она мне сказала, что она не может писать о твоём танце, потому что это что-то необыкновенное, потому что это чудо, а чудо нельзя описать словами. Словом, критик признался, что нет слов, чтобы написать критическую статью. По-моему, это комплимент для тебя.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Неужели ты ее не помнишь, такая типичная критикесса-интеллигент? Ее звали Лера. Валерия... э-э-э. Отчество я тоже не помню. Такая пожилая женщина с аристократическими манерами.

ЕКАТЕРИНА. К сожалению, нет, мама, я не помню. Но я бы хотела быть знакома с таким критиком.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Теперь поздно. Сегодня я случайно узнала, что вот уже два года, как она не живет.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Мы не были близкими подругами, видишь, я даже фамилию ее не помню. Но тем не менее мне почему-то грустно, что она умерла.

Пауза.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Мне очень, очень грустно, что она умерла.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Зачем ты приехала, мама?

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я хотела увидеть, как горе разбило тебе сердце. Я хотела видеть, что ты тоже страдаешь, что тебя тоже касается наш мир и все, что в нем происходит.

Но, видно, я напрасно надеялась. Ты, как всегда, находишься в своем странном мире и не хочешь высунуть оттуда голову, чтобы поучаствовать в наших страданиях. Тебе нет до нас дела. Ни до кого.

ЕКАТЕРИНА. Ты приехала посмотреть, как я страдаю? Значит, ты не зря приехала, мама. Я страдаю. Ты можешь посмотреть на это. Я страдаю, мама. Ты приехала не напрасно. Вот, смотри на меня. Я страдаю.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Прости, но я этого не вижу.

ЕКАТЕРИНА. Может быть, ты невнимательно смотришь?

Алина Павловна пристально вглядывается в лицо Екатерины.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я смотрю внимательно, но я не вижу.

ЕКАТЕРИНА. Ты просто не хочешь видеть.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я хочу, я очень хочу, и я смотрю внимательно, но я не вижу.

Екатерина и Алина Павловна не отрываясь смотрят друг другу в глаза.

ЕКАТЕРИНА. Куда ты смотришь, мама?

АЛИНА ПАВЛОВНА. Ты видишь, куда я смотрю. Тебе в глаза.

ЕКАТЕРИНА. И что же?

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я ничего там не вижу.

ЕКАТЕРИНА. Странно.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я смотрю, но не вижу, странно.

ЕКАТЕРИНА. Ну-ка посмотри еще пристальней, еще повнимательней, ну-ка!

АЛИНА ПАВЛОВНА. Смотрю. Я смотрю изо всех сил!

ЕКАТЕРИНА. И что?!

АЛИНА ПАВЛОВНА. Нет.

ЕКАТЕРИНА. Смотри, мама, смотри по-настоящему, без послаблений.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Я смотрю как только могу. Я все еще ничего не вижу.

ЕКАТЕРИНА. Смотри так сильно и так пристально, как только можешь.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Не вижу. Я не вижу. Я не вижу, как ты страдаешь, дочка. Я не замечаю этого. Я не хочу этого замечать. Я боюсь этого. Я боюсь в этом признаться. Я не могу думать о твоем страдании, мне достаточно своего. Прости меня. Я прошу тебя, слышишь, прости меня! Я всю жизнь не замечала твоих страданий, я не хотела этого замечать. Я приехала сюда, чтобы сказать тебе об этом. Чтобы попросить прощения. Прости меня, я прошу, я умоляю тебя, прости.

Алина Павловна прижимается лицом к груди Екатерины и ревет, как маленький ребенок.

Екатерина прижалась к матери и тоже плачет. Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Простите, я понимаю, у вас горе, но мне нужен супруг нашей потерпевшей. Необходимо подписать кое-какие бумаги.

ЕКАТЕРИНА. Вы знаете, ему стало плохо, и он уехал. Он обязательно придет завтра и все подпишет.

МЕДСЕСТРА. А эта женщина случайно не мать нашей потерпевшей?

ЕКАТЕРИНА. Нет, это моя мать.

МЕДСЕСТРА. А вы, простите, кем приходитесь потерпевшей?

ЕКАТЕРИНА. Я та, из-за которой она отравилась, любовница ее мужа.

МЕДСЕСТРА. Ой! Ну надо же! Я только хотела уточнить, не родственница ли вы, потому что вы могли подписать бумаги за мужа. Но вы, как я понимаю, не родственница.

ЕКАТЕРИНА. Я же вам сказала, кто я.

МЕДСЕСТРА. Понятно. Мне все ясно. Но зачем же ваша мама плачет, ведь никто же не умер.

ЕКАТЕРИНА. Ей сообщили о смерти одной ее знакомой, вот она и плачет.

МЕДСЕСТРА. Ой! Мне очень жаль, примите мои соболезнования. Может, вам нужно валерьянки, я могу принести?

Алина Павловна вытирает нос носовым платком. Немного успокаивается.

АЛИНА ПАВЛОВНА. Нет, спасибо. Я уже в порядке. Нам нужно идти, дочка, пойдем.

ЕКАТЕРИНА. Мы сейчас уже уйдем. Не беспокойтесь.

Алина Павловна подает руку Екатерине, и они идут к выходу.

ЕКАТЕРИНА. Прощайте.

МЕДСЕСТРА. Всего хорошего, до свидания.

Алина Павловна и Екатерина выходят. Медсестра остается одна. Она машинально просматривает никем не подписанные бумаги.

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

АКТЕРЫ ВЫХОДЯТ НА АВАНСЦЕНУ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, КЛАНЯЮТСЯ ПУБЛИКЕ

Пьеса № 7

На дне и на поверхности сна

Действующие лица:

Медсестра

Ольга

ЗНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

Приватная комната для посетителей в городской больнице. В комнате одна кушетка, обтянутая искусственной кожей, и одна табуретка. На стене висит плакат на тему вреда от курения.

Ольга сидит на кушетке. Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Простите, но у меня тяжелое известие, ваш муж умер. Смерть наступила десять минут назад. Доктор сделал все что мог. Он сам выйдет к вам через полчаса, ему нужно завершить свою работу. Мне очень жаль. У меня есть валидол и более сильные успокоительные. Вам нужна медицинская помощь?

ОЛЬГА. Нет. Мне ничего не нужно. А вам, наверное, нужно заплатить, у меня в сумочке есть деньги.

Ольга машинально роется в своей сумочке.

МЕДСЕСТРА. Ну что вы, зачем? Это у нас не делается. Вам плохо?

ОЛЬГА. Нет-нет. То есть, да, мне очень плохо. Я просто хочу вот так вот посидеть. И ничего пока не делать, можно?

МЕДСЕСТРА. Да-да. Конечно. Мне побыть с вами или вы хотите остаться одна?

ОЛЬГА. Я хочу одна. Мне не важно. Не уходите.

МЕДСЕСТРА. Я здесь, с вами. Я хочу разделить с вами ваше несчастье, хотите плакать – плачьте, хотите рассказать мне что-нибудь – расскажите.

ОЛЬГА. Нет, лучше вы мне что-нибудь расскажите.

МЕДСЕСТРА. Я вам? Ну хорошо? Хотите, я расскажу вам про танец «Дели»?

ОЛЬГА. Про танец? Про какой танец?

МЕДСЕСТРА. Про танец «Дели». Он так называется, этот танец. Танец «Дели». В честь столицы Индии, города Дели. Создателем этого танца была молодая женщина, известная танцовщица. Однажды она оказалась в городе Дели на гастролях. И там она оказалась в одном очень странном месте. И там было много страдания, в этом месте. Это был рынок. И там были изуродованные нищие и грязные торговцы поддельными драгоценностями. И там на жаре висели гнилые свиные туши, и люди ели пищу грязными руками. И вот при виде всего этого танцовщица вдруг испытала такую по силе боль, что это можно сравнить с тем, как если бы вам к груди прижали кусок раскаленного железа. Так ей вдруг стало больно, этой танцовщице, когда она оказалась на этом рынке.

ОЛЬГА. А из-за чего она испытала эту боль? Почему?

МЕДСЕСТРА. Из-за всех этих людей, которых она увидела.

ОЛЬГА. Она, наверное, была очень нежная, эта танцовщица? Почему ей стало больно при виде других, чужих ей людей?

МЕДСЕСТРА. Нет, это не была боль за этих людей. И это не была боль за судьбы этих людей. Это была их боль. Боль самих этих людей. Понимаете? Она испытала не боль за них, она испытала их боль. Она испытала боль всех этих людей. Ей не было их жалко, и

она не думала об их несчастных судьбах. Она просто вдруг испытала боль всех людей, которые ее случайно окружали. Она вдруг почувствовала в людях, которые ее окружают, много, много боли. И она вдруг почувствовала всю эту боль. Боль всех этих людей. И эта боль вошла в нее, в самую глубину ее сердца, и уже осталась там навсегда. Не жалость, не боль за других, а боль других стала ее болью в самой глубине ее сердца.

ОЛЬГА. Господи, как это, наверное, тяжело – вместить в себя столько боли? Даже от своей собственной боли сердце готово разорваться на части. А еще столько чужой, и что же с ней стало, с этой бедной женщиной?

МЕДСЕСТРА. Она стала превращать эту боль в прекрасный танец и отпускать эту боль на свободу. Она создала прекрасный чарующий танец под названием «Дели». В этом танце она, словно искусный врач, превращала боль других людей в красоту и блаженство, а потом отпускала все это на свободу. Она делала других людей свободными от их боли. Она делала так, что боли становилось меньше. Впуская боль внутрь своего сердца, она превращала боль в сияние красоты и покоя. Она уменьшала количество боли на нашей планете. Она не множила боль, как другие, не говорила о ней, не добавляла ее, не боролась с ней, а, наоборот, помещала чужую боль в центр своего сердца и там растворяла эту боль в сиянии своего бесконечного сострадания. Вот. Вот я рассказала вам о танце «Дели».

ОЛЬГА. Это прозвучало очень красиво. А сейчас где я могу увидеть этот танец, или она уже больше не выступает?

МЕДСЕСТРА. Нет. Она уже больше не выступает. Она умерла два года назад из-за остановки сердца. Вот в этой самой больнице. Я присутствовала при ее смерти. Я ведь была ее поклонница, по многу раз ходила смотреть ее выступления, когда они проходили в нашем городе. Но я и представить себе не могла, что женщина, на которую я буквально молилась, умрет на моих руках. Ее смерть – это то, что нас с ней объединяет. И я всегда буду помнить, как стучало ее сердце и как оно остановилось. В этой памяти смысл всей моей жизни.

ОЛЬГА. Вы знаете, а ведь мне сейчас очень больно. Может, вы мне подскажете, что мне делать? Вы ведь так красиво обо всем говорите. И вы видели этот целебный танец, что мне делать, мне очень больно. Мой муж умер, у меня двое детей. Он изменял мне. Последний год нашей жизни был очень сложным, я испытывала сильные страдания. Он полюбил другую женщину, это было так больно. Я думала, нет боли сильнее. Я даже решила покончить жизнь самоубийством. Я выпила две бутылки снотворного, но меня откачали. А мой муж не смог вынести всего этого, и вот его сердце не выдержало. Сегодня он умер у вас на руках, как два года назад ваша танцовщица. Что же мне делать? Мне нестерпимо больно, и, наверное, это только начало, настоящая боль и отчаяние, наверное, ждет меня впереди, когда я приеду домой и расскажу детям о нашем горе. И потом, когда я останусь одна и буду жить одна. Наверное, мне будет гораздо хуже, чем сейчас, но уже сейчас невыносимо больно. Что мне делать?! Помогите мне, пожалуйста, я прошу вас. Вы рассказываете такие чудесные вещи. Спасите меня от этой ужасной боли. Превратите мою боль в танец «Дели». Я не смогу всего этого вынести. Я прошу вас.

МЕДСЕСТРА. Я только могу рассказать вам то, что видела. Я могу только рассказать вам об этом танце, я всего лишь наблюдатель. Я могу вас только познакомить с этим танцем, я всего лишь свидетель.

ОЛЬГА. Расскажите мне о чем угодно, только не молчите. Когда наступает тишина, мне становится одиноко и страшно. Расскажите мне еще об этом танце. С чего он начинался и чем заканчивался? Я буду вас слушать. Я прошу вас. Только не молчите. Я прошу вас.

Пауза.

МЕДСЕСТРА. Этот танец начинался с того, что танцовщица показывала нам, что она засыпает. Танец начинался с того, что танцовщица спит, и во сне у нее начинают рождаться первые движения танца. Все ее тело постепенно подчиняется этим движениям. Но при этом мы отчетливо понимаем, что этот танец рождается помимо воли самой танцовщицы, этот танец рождается самостоятельно внутри ее сна, он рождается во сне, он проявляется из сна, а танцовщица только лишь подчиняется этому танцу. Не она создатель этого танца, а она, скорее, и есть сам танец. Как это объяснить, я не знаю. Это, возможно, только лишь мои догадки. Просто я так чувствовала, я так это поняла, когда смотрела. Танец ведь ничего не объясняет, танец просто исполняется, и все. А потом я увидела, что в этих движениях много судеб. Как я это поняла? По плавным линиям ее рук. Линии рук, похожие на волны океана, напомнили мне судьбы всех нас, живущих на этой планете. Все наши судьбы были словно волны или даже узоры. Да. Вот оно, точное слово. Все наши судьбы – это словно узоры. Но если внимательнее присмотреться, то узор – это всего лишь одна неразрывная линия, создающая неповторимые рисунки. Одной линией создаются фигуры. Эти фигуры есть наши странные судьбы, нарисованные одной неразрывной линией. И вся наша боль, наше страдание, наши надежды, наши радости и наши мечты – все это великолепные узоры, созданные одной непрерывной линией. Это одна линия. Одна боль на всех. У нас ведь одна боль на всех. Одна линия, и одна красота, и одно счастье. У нас ведь одно счастье на всех. И один сон. Один сон на всех. Когда мы спим, мы все равны. Во сне мы все равны. Со сна начинался и сном заканчивался ее танец. Снова эти прекрасные узоры нашей боли и радости превращались в шерстяную нитку, из которой вяжут носки и рукавицы, эта шерстяная нитка уходила своим началом в большой шерстяной клубок. Этот шерстяной клубок оказывался нашим блаженным сном. Мы снова погружались в глубину своего сна. Одного общего сна для всех нас. Вот, собственно, и все. И весь танец.

Пауза. Ольга лежит на кушетке с закрытыми глазами. Она спит.

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

АКТЕРЫ ВЫХОДЯТ НА АВАНСЦЕНУ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, КЛАНЯЮТСЯ ПУБЛИКЕ

Варшава, 1 июня 2010 г.